
Станислав Кляйн
Те, кто помнит

Станислав Кляйн
Те, кто помнит

https://litres.ru/74723434
SelfPub; 2026

Аннотация

Первая книга эпического фэнтези цикла.

Город хранит древний договор с силой, дремлющей под его улицами: печать держится не на железе, а на верности тех, кто помнит, зачем она создана. Карел, Лира, Эдан и Марк встают на защиту хрупкого равновесия. Им предстоит не только дать отпор Ордену Тени, рвущемуся разрушить печать, но и раскрыть её истинную природу: сила удерживается памятью, а не магией. Герои дают клятвы, учатся слышать голос города и понимают, что порой слово крепче стали. Это история о долге как осознанном выборе и о людях, чья верность становится последней линией обороны.

Содержание

Глава 2. Тени в Архивах 11
Глава 3. Гул под ногами 17
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Станислав Кляйн
Те, кто помнит

Глава 1. Трещина в стене

Карел плотнее запахнул плащ, но холод всё равно пробирался под кожу — не тот, что от ветра, а какой-то липкий, будто сама ночь сегодня была чужой. Северная стена жила своей жизнью: скрипели деревянные настилы, гудел в щелях камень, и каждый звук казался ему теперь слишком громким, слишком настойчивым.

— Эй, Карел, ты там не уснул? — голос Борна донёсся из темноты, чуть хриплый от холода и привычки прятать страх за ворчанием.

Карел усмехнулся, хотя улыбаться не хотелось:

— Не уснул. Просто считаю, сколько дней осталось до конца дежурства.

Борн хмыкнул — этот звук Карел знал наизусть: «опять ты со своими подсчётами». Они стояли на стене уже третий час, и за всё это время мимо прошли только двое патрульных да прокричала где-то внизу сова. Обычная ночь. Именно такие ночи пугали больше всего: тишина, в которой любой шорох звучал как приговор.

Он поднял факел чуть выше, разглядывая камень. Стена здесь была древней — не просто сложенной из блоков, а будто собранной из осколков чего-то большего. В некоторых ме-

стах в камень были вплавлены странные узоры — руны, как говорили старики, или остатки механизмов, как предпочитали считать учёные из Архивов. Карел не верил ни в магию, ни в забытые технологии. Он верил в устав, в дисциплину, в то, что если держаться правил, город простоит ещё тысячу лет.

И тут стена дрогнула.

Не сильно — будто кто-то ударил по ней изнутри. Факел замигал, и на мгновение в камне проступила тонкая линия, словно трещина во льду. Карел прижался к стене, пытаясь понять, что это было: игра света, усталость, обман зрения… Но линия не исчезла. Она была настоящей.

— Ты это видел? — спросил он, и собственный голос прозвучал слишком громко, почти панически.

— Видел, — коротко ответил Борн. Его фигура в темноте стала напряжённой, как натянутая струна. — Не болтай. Командование не любит, когда стражники паникуют.

Но Карел уже не мог просто стоять и делать вид, что всё в порядке. Он провёл пальцами по трещине — она была холодной, неестественно холодной, будто камень здесь потерял память о тепле. И ещё… он почувствовал лёгкое гудение, едва уловимое, как отдалённый гул колокола, который слышишь не ушами, а костями.

— Это не просто трещина, — прошептал он. — Это… что-то другое.

Борн шагнул ближе, поднял свой факел, осветив участок

стены. В свете пламени трещина казалась глубже, чем была секунду назад. По ней пробегали тонкие искры, похожие на разряды статического электричества, только холоднее.

— Держи язык за зубами, — повторил Борн, но в его голосе уже не было прежней уверенности. — Доложишь утром. Сейчас мы ничего не можем сделать.

Карел хотел возразить, но слова застряли в горле. Он знал устав: любые аномалии докладываются командиру смены, фиксируются в журнале, и дальше этим занимаются специалисты. Но что-то подсказывало ему, что если он дождётся утра, будет поздно.

В этот момент из-за угла вынырнул патруль — трое стражников во главе с лейтенантом Марком, человеком с лицом, будто высеченным из того же камня, что и стена.

— Что тут у вас? — голос Марка был ровным, но в нём чувствовалась сталь. — Докладывайте.

Карел открыл рот, чтобы рассказать про трещину, про гудение, про искры, но Борн опередил его:

— Всё спокойно, господин лейтенант. Лёгкий ветер, ничего необычного.

Марк прищурился, скользнул взглядом по стене, задержался на трещине ровно на секунду — и Карел готов был поклясться, что он её заметил. Но ничего не сказал.

— Продолжайте дежурство, — бросил он наконец. — И поменьше разговоров. В городе и без того хватает слухов.

Патруль ушёл, оставив после себя тишину, которая теперь

казалась тяжёлой, как мокрый плащ. Карел посмотрел на Борна, но тот отвернулся, делая вид, что поправляет ремень.

— Почему ты не сказал? — тихо спросил Карел.

— Потому что такие вещи не для рядовых стражников, — отрезал Борн, не глядя на него. — Если командование захочет знать — оно узнает. А если начнёшь болтать не по делу, тебя либо сочтут паникёром, либо… хуже.

«Хуже» означало одно: подозрения. В городе, где каждый шаг фиксировался, а каждое слово могло быть истолковано как измена, лишние вопросы задавали только те, кто хотел исчезнуть.

Но у Карела был свой повод не молчать.

Его младшая сестра Лира жила в Нижнем квартале, почти вплотную к северной стене. Ей было всего шестнадцать, она мечтала стать архивариусом и вечно твердила, что «в старых книгах больше правды, чем в приказах». Карел улыбался, слушая её, но в глубине души боялся: она задавала слишком много вопросов. А теперь, глядя на трещину, он понимал, что эти вопросы могут стать опасными.

Остаток дежурства тянулся бесконечно. Карел то и дело поглядывал на трещину: она будто росла, становилась более отчётливой, как будто стена сама хотела, чтобы её заметили. Когда небо начало сереть, предвещая рассвет, он решился.

— Я пойду к Архивам, — тихо сказал он Борну, когда они наконец спустились со стены.

Борн резко остановился, схватив его за рукав:

— Ты с ума сошёл? Кто тебя туда пустит?

— Там знают про стену, — упрямо ответил Карел. — Они хранят старые записи, чертежи, легенды… Может, там есть что-то про такие трещины.

— Или тебя выставят за дверь, или, что хуже, запомнят твоё лицо, — процедил Борн. — А в этом городе запоминать лица — плохая примета.

Но Карел уже принял решение. Устав мог защитить город, но не мог защитить Лиру. А сейчас ему казалось, что именно она в опасности.

Рассвет окрасил небо в бледно-розовые тона, когда Карел свернул в узкий переулок, ведущий к кварталу Архивов. Дома здесь были ниже и старше, их стены покрывали слои выцветших надписей и символов, которые никто уже не помнил. У тяжёлой деревянной двери, окованной железом, стоял стражник в форме, отличавшейся от привычной: на плече у него был вышит символ — переплетённые кольца, знак Хранителей.

— Чего надо? — спросил стражник, недружелюбно глядя на Карела.

Карел сглотнул, пытаясь собрать слова в правильный порядок:

— Мне нужно поговорить с кем-нибудь из Хранителей. У меня есть информация… о стене.

Стражник хмыкнул, будто услышал самую смешную шутку за день:

— Все что-то знают о стене. И все хотят поговорить. Уходи, пока не попал в неприятности.

— Пожалуйста, — голос Карела дрогнул, и он возненавидел себя за эту слабость, но ничего не мог с собой поделать. — Моя сестра живёт рядом с северной стеной. Там появилась трещина… странная трещина. Я просто хочу понять, опасно ли это.

На мгновение в глазах стражника мелькнуло что-то похожее на сочувствие, но тут же исчезло.

— Если трещина такая важная, почему о ней не доложили по уставу?

Карел опустил глаза:

— Потому что мне не поверили.

Стражник помолчал, потом вздохнул и шагнул в сторону, приоткрыв дверь:

— Жди здесь. Я скажу, чтобы кто-нибудь вышел. Но не надейся на тёплый приём.

Дверь закрылась, оставив Карела одного в переулке, где утренний свет казался слишком ярким, а тишина — слишком громкой. Он стоял, сжимая и разжимая кулаки, и пытался убедить себя, что делает всё правильно.

Через несколько минут дверь снова приоткрылась, и на порог вышел невысокий человек в тёмно-сером плаще. Его лицо было испещрено морщинами, а в глазах читалась усталость, смешанная с любопытством.

— Ты тот стражник, что про трещину? — голос у него был тихий, но твёрдый. — Проходи. Но помни: то, что ты здесь услышишь, нельзя повторять на каждом углу.

Карел шагнул внутрь, и тяжёлая дверь закрылась за ним, отрезая привычный мир. Он не знал, что ждёт его в этих стенах, но одно было ясно: его жизнь только что перестала быть обычной.

Глава 2. Тени в Архивах

Внутри было темно и тихо — не та тишина улицы, где всегда шуршит ветер и где любой звук имеет своё место, а густая, плотная тишина, будто стены сами глотали голоса. Пахло старой бумагой, воском и чем-то металлическим, словно где-то рядом хранили оружие. Карел шёл за невысоким Хранителем, чьи шаги были почти бесшумными, и чувствовал, как привычная уверенность ускользает, будто её смывало холодной водой.

Хранителя звали Эдан. Так он представился коротко, без церемоний, когда они вошли в длинный коридор, где вдоль стен тянулись полки с ящиками, перевязанными бечёвкой и запечатанными сургучом.

— Ты пришёл с тревогой, — сказал Эдан, не оборачиваясь. — Это уже неплохо. Хуже, когда люди приходят с уверенностью, что знают всё. Обычно они приносят беду.

Карел сглотнул:

— Я не хочу приносить беду. Просто… я видел трещину. И она не просто трещина. От неё идёт холод, и стена гудит. Как будто… как будто она живая.

Эдан наконец остановился у тяжёлой дубовой двери и обернулся. В его глазах мелькнуло что-то похожее на усталость, смешанную с горькой усмешкой.

— Стена и правда живая, — тихо произнёс он. — Или, по

крайней мере, она помнит, как быть живой. Это не камень. Это механизм. Очень старый. И очень опасный.

Он открыл дверь, и они вошли в небольшую комнату, где свет давали не факелы, а тусклые лампы с кристаллами внутри — такие использовали только в Архивах. На столе лежали раскрытые свитки, испещрённые рунами, и несколько металлических пластин с вытравленными узорами.

— Садись, — Эдан указал на стул. — И расскажи всё. С самого начала. Без сокращений, но и без лишних страхов. Мне нужны факты, а не ощущения. Хотя ощущения тоже пригодятся — они подскажут, где факты лгут.

Карел сел и начал рассказывать: про дежурство, про дрожь стены, про искры, про лейтенанта Марка, который будто заметил трещину, но ничего не сказал. Он не стал скрывать и про Борна — про то, как напарник отговорил его докладывать.

— Значит, командование знает или догадывается, — пробормотал Эдан, водя пальцем по краю одного из свитков. — Это плохо. Или хорошо — зависит от того, кто именно знает и зачем молчит.

— А что это за трещина? — спросил Карел, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Что будет, если она станет больше?

Эдан помолчал, потом взял одну из пластин и повернул её так, чтобы свет упал на гравировку.

— Смотри. Это схема стены. Не всей, а одного сегмента

— как раз твоего участка. Видишь эти линии? Это не швы между камнями. Это каналы. По ним течёт сила — та самая, что держит чудовищ снаружи и… кое-что ещё внутри.

— Что внутри? — почти шёпотом спросил Карел.

— То, что мы не хотим выпускать, — прямо ответил Эдан. — Стена — это печать. Она не защищает город от внешнего мира. Она защищает внешний мир от того, что было запечатано под городом. Древние называли это «сердцем тени». Мы называем проще — Ядро.

Карел почувствовал, как по спине пробежал холодок, не такой, как от ветра на стене, а тяжёлый, липкий.

— И трещина… она ведёт к Ядру?

— Она — начало разгерметизации, — кивнул Эдан. — Если трещина будет расти, печать ослабнет. Сначала появятся аномалии: странные звуки, видения, сбои в механизмах. Потом — утечки. А потом… Ядро проснётся. И тогда город станет не крепостью, а ловушкой.

Карел вспомнил про Лиру, про её дом в Нижнем квартале, почти вплотную к стене.

— Нужно предупредить людей, — сказал он, вскакивая со стула. — Нужно эвакуировать квартал!

Эдан резко поднял руку, останавливая его:

— Сядь. Сейчас ты ничего не сможешь сделать. Если ты побежишь с криками об эвакуации, тебя либо объявят сумасшедшим, либо арестуют за распространение паники. А если кто-то из влиятельных людей поймёт, что ты знаешь слиш-

ком много… тебя просто уберут.

— Но моя сестра… — голос Карела дрогнул. — Она там.

— Тогда нам нужно действовать тоньше, — спокойно, но твёрдо сказал Эдан. — У нас есть два пути. Первый — попытаться укрепить печать. Для этого нужны артефакты, которые хранятся в закрытых хранилищах Архивов. Второй — выяснить, кто в командовании знает про трещину и почему молчит. Возможно, они уже готовят свой план — и он может быть хуже, чем ничего.

В этот момент дверь тихо приоткрылась, и в комнату заглянула молодая девушка в сером плаще, почти таком же, как у Эдана.

— Мастер, — прошептала она, — в Нижнем квартале что-то происходит. Люди говорят, что слышали гул из-под земли. И… там видели странных людей в чёрных плащах.

Эдан нахмурился:

— Орден Тени?

Девушка кивнула.

— Проклятье, — тихо выругался Эдан. — Они тоже знают. Значит, времени ещё меньше.

Он повернулся к Карелу:

— Ты хочешь спасти сестру. Это хороший мотив. Но теперь ты должен понимать: ты больше не просто стражник. Ты — часть этой истории. И каждый твой шаг будет иметь последствия.

Карел глубоко вдохнул, пытаясь унять дрожь в руках.

— Что мне делать?

— Сейчас — ничего, — ответил Эдан. — Иди домой. Притворись, что ничего не знаешь. Побудь обычным стражником хотя бы до вечера. А я попробую достать один из стабилизаторов — кристалл, который может временно сдержать трещину. Но мне понадобится твоя помощь… чуть позже.

— Какая помощь? — настороженно спросил Карел.

— Тебе придётся вернуться на стену, — спокойно сказал Эдан. — И когда ты будешь там, ты должен будешь сделать кое-что, что выглядит как нарушение устава. Но это будет единственный способ поставить кристалл в нужное место.

Карел хотел возразить, сказать, что он не умеет обращаться с древними артефактами, что он просто хотел защитить сестру, а не становиться частью какой-то тайной игры. Но слова застряли в горле. Он посмотрел на свитки, на пластины, на усталое лицо Эдана — и понял, что выбора у него уже нет.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Я сделаю всё, что нужно.

Эдан чуть заметно кивнул:

— Тогда иди. И помни: никому ни слова. Даже Борну. Особенно Борну — если он действительно хочет тебя защитить, он будет пытаться остановить тебя. А сейчас любое препятствие может стоить слишком дорого.

Карел вышел из комнаты, и тяжёлая дверь закрылась за ним, отрезая мир знаний и тайн от мира простых приказов и

патрулей. Он шёл по коридору, чувствуя, как с каждым шагом привычный город становится чужим, а его собственная жизнь — всё более хрупкой.

На выходе из квартала Архивов его окликнул тот самый стражник, что стоял у двери.

— Эй, стражник, — буркнул он, но в голосе не было прежней враждебности. — Если будешь проходить мимо северных складов, глянь, нет ли там людей в чёрном. Нам тут слухи не нужны, но и Ордену шастать по городу мы не позволим.

Карел кивнул, не зная, что ответить. Он уже не был просто стражником, но ещё не стал кем-то другим. И в этой серой зоне между «был» и «стал» ему предстояло сделать первые настоящие шаги.

Когда он вышел на улицу, солнце уже стояло высоко, и город жил своей обычной жизнью: торговцы кричали, дети бегали между домами, ремесленники стучали молотками. Но теперь Карел видел всё это иначе. За каждым окном, за каждой дверью, за каждым разговором ему чудилась тень заговора. И он знал: трещина — только начало.

Он свернул в сторону Нижнего квартала, туда, где жила Лира. Ему нужно было увидеть её, убедиться, что она в порядке. И, возможно, придумать, как незаметно увести её подальше от стены — хотя бы на несколько дней.

Глава 3. Гул под ногами

Карел шёл по узким улочкам Нижнего квартала, и город вокруг него будто стал чужим. Ещё вчера эти кривые переулки, пахнущие печным дымом и мокрым камнем, были просто домом — привычным, немного шумным, немного серым. Сегодня каждый скрип ставни, каждый взгляд из-за занавески казался ему частью какой-то большой, невидимой игры.

Он ускорил шаг, сворачивая к дому Лиры — низкому, приземистому, с покосившейся дверью и ставнями, которые она всегда красила в ярко-синий, будто хотела добавить цвета в этот серый мир. Карел улыбнулся, вспомнив, как ворчал на неё за эту «бесполезную трату краски», а она смеялась и говорила: «Если не красить ставни, город съест сам себя». Теперь эта фраза звучала почти пророчески.

Дверь была приоткрыта.

Сердце Карела пропустило удар. Лира никогда не оставляла дверь открытой — она шутила, что в Нижнем квартале даже сквозняк может что-нибудь украсть. Он толкнул дверь и вошёл.

— Лира? — позвал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Ты здесь?

В доме было тихо, но не так, как бывает, когда никого нет. Это была напряжённая тишина, будто дом затаил дыхание. На столе лежала раскрытая книга — «Хроники Старого Го-

рода», потрёпанная, с пометками на полях. Рядом — чашка с остывшим чаем и маленький кусочек угля, которым Лира делала зарисовки.

Карел уже хотел было подумать, что она просто вышла на рынок, но тут он заметил на полу тонкую полоску пыли — и след ботинка, который явно не принадлежал Лире. След был крупнее, а подошва — странной, будто с металлическими вставками. Такие носили не ремесленники и не торговцы.

И в этот момент пол под ногами едва заметно дрогнул.

Не как от проезжающей телеги и не как от тяжёлых шагов. Это был глухой, низкий гул, будто где-то глубоко под землёй кто-то провёл пальцем по огромному колоколу. Карел присел, приложил ладонь к доскам — вибрация шла изнутри, из-под фундамента, и была такой сильной, что на столе звякнула чашка.

— Лира! — крикнул он уже громче, выбегая во двор.

Там он её и нашёл — у старого колодца, в компании Борна. Лира стояла, чуть наклонив голову, будто прислушивалась к чему-то, а Борн держал руку на рукояти меча, оглядываясь по сторонам с видом человека, который не понимает, что происходит, но готов к худшему.

— Карел! — Лира бросилась к нему, и он поймал её, крепко прижав к себе. — Ты видел? Пол дрожал! И ещё… я слышала голос. Не слова, просто гул, как будто кто-то зовёт сквозь стену.

Карел посмотрел на Борна, и в этом взгляде было больше

вопросов, чем слов.

— Что ты тут делаешь? — спросил он, не отпуская сестру.

Борн пожал плечами, но глаза у него были насторожённые:

— Я шёл мимо, услышал крики. Потом почувствовал эту дрожь. Решил проверить, вдруг что-то с фундаментом. А тут она… — он кивнул на Лиру. — И этот гул.

Лира отстранилась, посмотрела на обоих и нахмурилась:

— Вы что-то знаете, да? Это из-за стены, верно? Я видела, как утром патруль обходил северную сторону, и они смотрели на камни так, будто ждали, что те заговорят.

Карел хотел было сказать «ничего не знаю», но не смог. Она видела слишком много, чувствовала слишком остро — и если он сейчас соврёт, она поймёт.

— Есть трещина, — тихо сказал он. — На северной стене. И она… растёт.

Лира не стала кричать, не стала паниковать. Вместо этого она кивнула, будто всё встало на свои места:

— Значит, это не просто гул. Это стена. Или то, что под ней.

Борн резко шагнул вперёд, понизив голос:

— Ты с ума сошёл, Карел? Нельзя об этом говорить вслух. Если командование узнает, что ты разнёс слухи…

— А если я не скажу, и она окажется в опасности? — Карел посмотрел ему прямо в глаза. — Ты хочешь, чтобы я делал вид, что всё в порядке, пока город трясётся?

Борн открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент гул повторился — сильнее, чем раньше. На стене дома осыпалась штукатурка, а из щели между камнями вырвался холодный пар, похожий на туман, только он не стелился по земле, а тянулся вверх, словно искал что-то.

Лира попятилась, но вдруг замерла, глядя на этот пар.

— Он движется, — прошептала она. — Как будто… как будто он знает, куда идти.

В переулке мелькнула тень — фигура в чёрном плаще, слишком быстрая, чтобы быть случайной. За ней — ещё одна.

— Орден Тени, — выдохнул Борн, выхватывая меч. — Проклятье, они здесь.

Тени метнулись к колодцу, и одна из них что-то бросила в тёмное жерло. Вспышка синего света озарила переулок, и гул сменился пронзительным звоном, от которого хотелось закрыть уши.

— Бегите! — крикнул Карел, хватая Лиру за руку. — В сторону Архивов! Там безопаснее!

Но Лира вдруг упёрлась, вырываясь:

— Нет! Я не побегу, пока не пойму, что они делают!

— Сейчас не время для вопросов! — рявкнул Карел, и впервые в голосе его прозвучала не забота, а приказ — голос стражника, а не брата. — Иди!

Она вздрогнула, но послушалась, метнувшись в сторону, туда, где переулок уходил вверх, к кварталу Архивов. Борн

прикрывал её, отбивая первую атаку — человек в чёрном набросился на него, и сталь звякнула о сталь.

Карел остался один на один с третьим нападавшим. Тот не был похож на обычного бойца: его движения были слишком плавными, слишком точными, будто он знал, куда Карел шагнёт ещё до того, как тот решался на шаг.

— Ты видел трещину, — прошипел незнакомец, делая выпад. — Ты знаешь, что печать слабеет. Пусть падёт! Пусть город узнает правду!

Карел отбил удар, но лезвие скользнуло по его рукаву, оставляя холодную полосу.

— Какую правду? — крикнул он, отступая. — Что вы хотите выпустить?

— То, что должно быть свободным, — ответил тот, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на фанатичную веру. — Стена — это тюрьма!

Новый удар, новый отскок. Карел чувствовал, как силы уходят, а противник будто становится только быстрее. И тут он вспомнил слова Эдана: «Тебе придётся вернуться на стену… и сделать кое-что, что выглядит как нарушение устава».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.